

семантику. Сказанное отнюдь не означает, что для древневерхненемецкого вопрос о наличии категории глагольного вида не является релевантным. Он в известной мере лишается смысла лишь из-за стремления однозначно увязать его с проблемой глагольного вида в славянских языках, где аспектуальные противопоставления выражены, несомненно, более ярко и более полно, чем в германских. Определенный параллелизм при таком подходе может быть, действительно, установлен, однако механическое перенесение славянской аспектуальной системы на германские языки и в частности на древневерхненемецкий, неадекватно отражает их глагольную систему. То же самое можно сказать и о попытках «универсализации» категории вида. Действительной лингвистической универсалией является само наличие аспектуальных и, шире, акциональных оппозиций в языке, однако пути категоризации конкретных акциональных значений относятся к сфере истории конкретных языков.

Вернемся к древневерхненемецким глаголам с префиксом *gi-*. Наличие у данного префикса категориально-грамматической функции не вызывает сомнений, однако определение этой функции связано с известными трудностями. Очевидно, перфективность не является его функционально-семантическим инвариантом, хотя и может быть включенной в семантику «*gi-* префигированных» глаголов.

Рассмотрим следующий пример из «Песни о Хильдебранте»:

- (1) *Hiltibrant gimahalta (Heribrantes sunu): her uuas heroro
man, ferahes frotoro; her fragen gistuont
fohem uuortum, hwer sin fater wari
fireo in folche... (Hilt. 7—10)*

«Хильтбрант заговорил (первым), сын Херибранта: он был мужем, умудренным жизнью; он стал задавать вопросы немногими словами: Кто был его отец из людей народа...»

Выполняет ли *gi-* функцию перфективизации симплекса *mahalan* (зд. «говорить, (торжественно) произносить»)? Очевидно, в этом случае так или иначе проявился бы объект — будь то прямое дополнение в аккузативе или генитиве, косвенное дополнение с предлогом, придаточное дополнительное или прямая речь. Известно, что, например, в русском языке употребление глагола в совершенном виде, как правило, предполагает актуализацию объекта высказывания, который в случае с употреблением глагола несовершенного вида может опускаться, ср.: играть на рояле три часа/три пьесы, но: *сыграть на рояле три часа, только: сыграть на рояле три пьесы; Он спокойно спал (всю ночь), но: Он спокойно проспал всю ночь (*Он спокойно проспал); Он живет в Москве, но *Он прожил в Москве, только: Он прожил в Москве несколько лет/всю жизнь и т. п.

В приведенном примере непременно действовала бы та же закономерность: «Хильтибрант сказал (произнес, промолвил)» предполагает объект, выражающий содержание его речи. В тексте же действие явно замыкается в сфере субъекта, т. е. налицо выраженное эргативное значение. Указывается лишь на то, что Хильтибрант *говорил* (а не на то, *что* он говорил) и что он — для нас здесь это главное! — *заговорил (первым)*. Префикс *gi-* выражает здесь начинательность, инхоативность — возникновение нового состояния. Это подтверждается и посттекстом, содержащим в сущности объяснение того, почему именно Хильтибрант (а не его соперник Хадубрант) удостоивается чести начать традиционный — согласно правилам единоборства — диалог перед битвой: он был умудренным жизнью мужем преклонных лет.

В примере с *gistuont* (*her fragen gistuont*), хотя и присутствует объект (выраженный придаточным), значение префиксального глагола снова является скорее инхоативным, нежели перфективным: Хильтибрант начал расспрашивать (букв. «задавать вопросы») Хадубранта о том, кто его отец и из какого тот рода. Корректным точным переводом здесь является не «задал вопросы/спросил», но «стал (начал) спрашивать/задавать вопросы».